

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94

Vlasovites and Policemen as a Phenomenon in the Great Patriotic War Period through the Eyes of The Workers and Peasants' Red Army Fighters

¹ Aleksandr Cherkasov

² Michal Šmigel'

¹ Tomsk State University, Russian Federation

Sochi State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

² Matej Bel University, Slovakia

Dr. (History), Professor

Abstract. The article, basing on the interviewing of 50 veterans of Great Patriotic War, considers complicated social phenomenon – collaboration. Soviet citizens, fighting arms in hand on the German side in front-line, front and occupied territory of the Soviet Union were considered collaborators. The article presents veterans' insights into the nature of Soviet collaboration and describes actual examples of collaboration, witnessed by the interviewed veterans. Special attention is attached to Soviet soldiers' antagonism towards compatriots, fighting on the side of the enemy. Some mechanisms, used by the Third Reich to recruit collaborators are presented.

Keywords: Vlasovites; policemen; Great Patriotic War; collaboration; veterans; interviewing.

Введение. Власовцы и полицаи в типологии советского коллаборационизма занимают одно из основных мест. Это обуславливается тем, что власовцы в значительной степени обслуживали фронтную и прифронтную территорию, а полицаи – оккупированную. В результате власовцами и полицаями достигалось многообразие проявлений коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. В ходе исследования было проинтервьюированы 50 ветеранов Великой Отечественной войны в звании от рядового до майора, которые проживают (проживали) на территории городов Сочи и Туапсе Краснодарского края, Российская Федерация. Опросы осуществлялись в период с 2001 по 2006 гг. Основная масса собранного материала никогда не публиковалась. В ходе исследования использовались такие общеисторические принципы, как объективность и историзм, а также системный подход.

Обсуждение. Под власовцами принято понимать несколько групп коллаборационистов – это **национальные дивизии** (с 1943 г. по линии СС из советских граждан были созданы 14-я, 15-я, 19-я, 20-я, 29-я, 30-я и 36-я гренадерские дивизии СС. Общая численность этих формирований за время войны составляла примерно 250 тыс. человек [1]) и **“хиви”** (от немецкого Hilfswillige – добровольные помощники), численность которых к 1945 г. составляла около 600 тыс. человек [2].

Полицейские функции на оккупированной территории выполняла “Наружная вспомогательная полиция” – Ordnung Hilfspolizei. Приказом Гимmlера от 6 ноября 1941 г. Ordnung Hilfspolizei была переименована в Schutzmannschaft – “шума”, в переводе “охранные команды”. “Шума” соответственно подчинялась СС [3] и делилась на следующие четыре группы: 1) т.н. “индивидуальная служба”

(Schutzmannschaft-Einzeldienst) по охране порядка в городах и сельской местности, именовавшаяся в первом случае охранной полицией (Schutzpolizei), а во втором — жандармерией (Gendarmerie); 2) батальоны вспомогательной полиции (Schutzmannschaft-Bataillon), среди которых выделялись фронтовые, охранные, запасные, а также немногочисленные саперные и строительные; 3) пожарная охрана (Feuerschutzmannschaft); 4) вспомогательная охранная служба (Hilfsschutzmannschaft) — команды, создававшиеся по особому требованию германских властей для выполнения каких-либо хозяйственных работ, охраны лагерей военнопленных и т.д.

Общая численность вспомогательной полиции с момента ее возникновения в ноябре 1941 г. (33 тыс. человек) за год выросла в 10 раз. При этом на “индивидуальной службе” и в пожарной охране было задействовано 253 тыс. человек (в том числе 29 тыс. в городах и 224 тыс. в сельской местности), а в полицейских батальонах — 48 тыс. человек [4].

В административном аппарате оккупационных властей были образованы и оборонные команды помощников Gema от “gemeinde”, что в переводе означает “община”. Под “гема” понимались лица из местного населения, которые по приказу местных властей (начальники полиции, бургомистры, старосты и т.д.) в необходимое время осуществляли полицейские функции. Как правило, “гема” организовывались в районах действия партизан.

Результаты. Воспоминания о власовцах можно разделить на несколько категорий:

1. Рассуждения о природе коллаборационизма.
2. Власовцы глазами очевидцев.

Рассуждения о природе коллаборационизма. Некоторые из опрошенных нами ветеранов довольно охотно рассказывали о природе коллаборационизма, о тех механизмах, которые, по их мнению, заставили часть советских граждан сотрудничать с врагом. Так, например, боец РККА Чахлов Степан Алексеевич полагал, что природа коллаборационизма связана с немецкой агитацией, направленной на советских военнопленных, в частности, он отмечал, что «с 1943 года власовцами стали называть самые разные воинские образования в составе вооруженных сил Германии. Для советских властей и советской пропаганды и, естественно, для большинства советского народа это были предатели родины, изменившие воинской присяге.

Когда Власов развернул свою предательскую деятельность и стал организовывать так называемую “Русскую освободительную армию” (РОА), к нам стали наведываться его агитаторы. В то время как пленные других государств находятся под защитой Красного Креста, получают продовольственные посылки, имеют даже возможность переписываться со своими семьями, для советских людей плен — это рабство. С советскими пленными немцы могут сделать все, что захотят, и никто за них не заступится. Отсюда агитаторы делали вывод, что единственная возможность освободиться от рабства — это вступить в РОА. Принуждая массы советских военнопленных, немецкое командование стало организовывать и идеологическое оболванивание пленных. Начали издавать газеты для пленных на русском, украинском и других языках Советского Союза. Несмотря на большой формат “русской” газеты, отличную бумагу и хорошее оформление, это откровенная антисоветская пропаганда. В газете подвизались и белогвардейские эмигранты, и вновь испеченные изменники, разные “националисты” и “интеллектуалы”. Восхвалялась немецкая культура, превозносились победы немцев, призывалось вступать в РОА, критиковалось все советское» [5].

О немецкой пропаганде, направленной на военнослужащих РККА, вспоминает боец Лычагов Александр Валентинович: «На фронте очень жестко было в отношении листовок. Свои листовки можем забирать, сколько угодно. Листовок бросали и мы много, и немцы много. Немцы бросали листовки такого содержания, например, что такое Сталинград? Это значит, Сталин стоит с лопатой, на лопате дивизии и в мясорубку. Это вот такая листовка немецкая была. С ней сразу пропуск, если ты хочешь сдать, то тебя там сразу определяют, куда там дальше. Но таких людей, которые бы уходили с фронта и пошли за линию фронта, пропуск, что возьмите меня... Наверно, уместно анекдот рассказать: «Солдат решил сбежать туда. Пришел — ему задают вопросы немцы. Он не может ответить, ни на карте показать, ни фамилии назвать, ну, ничего. Ему дают листовку и говорят: «Иди назад. Там написано: вам — не воин, нам — не язык!». Похоже. Теперь, конкретнее о власовцах. Что такое власовцы? Когда были окружены целые большие округа, когда миллионы людей, не меньше 3 млн., в первые месяцы войны попали в плен. В это время не только у этих солдат, но и у нашего руководства начали «мозги плыть». Что же такое, конец? Так вот те военнослужащие, которые несчастные оказались, в результате бездарного руководства, в плену, всякое могло быть. И одни, а может быть, некоторые по велению души, папа, мама расстреляны в лагерях, живут плохо, в это время за хороший паек, за одежду они пошли. В какую они армию пошли — Российская армия освобождения (РАО), власовцы. Власов, сам по себе, генерал очень известный. Он был обласкан Сталиным, талантливый военный, который мог много достичь. Но сколько генералов попало в плен, а сколько мы расстреляли уже на фронте? От Сталина был приказ №227 «Ни шагу назад!». Если ты отступил, значит ты — изменник родины. А для этого, чтоб не смотрели назад, сзади стояли части, которые расстреливали тут же из пулеметов. Так вот среди этих миллионов людей, которые ничего не знали, ни в какой степени не были виноваты, оказались в плену. У некоторых, наверное, был шок, а некоторые задумались, а что я защищаю? Там же тоже пропаганда работала: «Что вы защищаете?»

Где ваши родители? В лагерях? Ну и вы в лагерь поедете? Если Сталин своего сына не сохранил, всю семью посадили. Причем жена? Причем дети? А?» Хорош показательный пример. Этот пример распространился на весь народ.

Я лично власовцев не видел, с ними не встречался. Поэтому я не склонен осуждать, что все они враги народа, а все их родственники, члены семьи изменника родины (было даже специальное определение – ЧСИР – член семьи изменника родины), если ты оказался в плену, значит, твои родственники должны тоже подвергнуться репрессиям. К этому может быть самое разное отношение. Некоторые, оказавшись в плену, сразу брали пистолет и стреляли себе в голову. Я не знаю, много ли бы выиграла наша страна, если бы 3 млн пленных приставили к своим головам пистолеты и выстрелили. А среди людей, которые и в плену были, и перенесли тяготы. Мне пришлось много видеть людей, тех, которые оказались угнанными в Германию, работали на шахтах в Бельгии, а потом попали к нам. Они же были практически как прокаженные. У меня был случай, когда пришло пополнение ко мне в часть, ктбшник первым делом мне говорит: к тебе пришли такой, такой и такой, внимательней посмотри, там западный белорус есть, он некоторое время был на оккупированной территории. Ладно, посмотрим. Замечательный человек. Так мы с ним так подружились. Он играл на скрипке очень хорошо. Портным был. Шил всех нас, перешил форму. Хозяйственник очень хороший. Так вот он рассказал, как немцы поступили очень плохо, скрипку унесли. Зачем солдату скрипка? А может он тоже своим солдатам играл... Вот такие на фронте были встречи.

Ну а власовцы, что о них говорить – несчастный народ. Может быть, некоторые из них смалодушничили, может быть, были такие, которые считали – а какой я строй защищаю? Если среди наших ответственных руководителей мы нашли отщепенцев...» [6].

Приведем еще одно свидетельство бойца Красной Армии Тешева Ч.С.: «Власовцы и полицаи вербовались немецко-фашистским командованием и администрацией из числа советских воинов и граждан. Трусов, которые готовы, что угодно сделать, чтобы сохранить свою жизнь, а также из числа обиженных на советскую власть.

Немецко-фашистское командование не решалось использовать власовцев на ответственных участках, их больше использовали в других странах, за счет их выполняли вспомогательные задачи» [7].

Таким образом, в своих рассуждениях опрошенные ветераны видели основным поставщиком в ряды власовцев советских военнопленных, в то же время ветераны делали вывод о том, что полицаи вербовались на местах из состава местного населения.

Вторая выделенная нами группа – «**Власовцы глазами очевидцев**» – содержит материалы интервьюирования, в которых описаны встречи бойцов Красной Армии с коллаборационистами.

В воспоминаниях ветеранов жирной чертой проводится одна линия – это непримиримость власовцев. Там, где советским солдатам доводилось сталкиваться с ними, бои были более жестокими.

Есть это и в воспоминаниях бойца осназа Долгополова Тимофея Елисеевича: «По поводу власовцев, нам приходилось многих брать в плен, был случай, когда наша часть окружила за Варшавой с четырех сторон 300 власовцев, они тут же оружие побросали и сдались, говорят: «Нас заставили окопы здесь рыть». Власовцев направляли в спецлагерь на территории Польши, ближе к границе Советского Союза, там их и проверяли, кто сам сдался в плен, а кто случайно попал. Последним давали до 12 лет лагерей, а первых, как и власовцев-смертников, как правило, расстреливали. Со смертниками также доводилось сталкиваться, это были звери, они до последнего стояли, куда их не добывали в окопе. Много власовцев было прибалтийских, украинских, в Кубани и впоследствии нами были разгромлены даже калмыцкие полки. Поражение наносили и чеченским полкам, после этого их перебросили во Францию и Италию для продолжения войны. Наш орган СМЕРШ раскрыл преступление крымских татар, которые в Крыму вырезали 5 тыс. наших военнопленных, целый лагерь. За что эти народы впоследствии и повыселяли: калмыков, крымских татар, чеченцев, кабардинцев и т.д.

С власовцами приходилось сталкиваться часто, они до последнего обороняли Берлин, а летом 1944 года я получил ранение под Витебском, который удерживали власовцы, находясь в полном окружении. Власовцы занимали позиции во всех 11 укрепленных районах, каждый из которых имел полную линию обеспечения, включая противотанковые рвы, колючую проволоку, окопы и огневые точки. Наши части их уже обошли со всех сторон, взяли Оршу, подошли почти к Минску, а власовцы не сдавались. Бои там были тяжелые. Позже Гитлер издал приказ из власовцев создать заградотряды и в случае отступления немцев загонять обратно их в траншеи или расстреливать. Особенно были жестокими власовцы с нарукавными нашивками в виде андреевского флага и треугольника, как у казаков» [8].

Несколько ярких штрихов к картине противостояния в период Великой Отечественной войны добавляет военнослужащий РККА Д.С. Яныш: «Видел только мертвых власовцев. 27 мая 1945 года в Латвии засели власовцы в лесу. Никого не подпускали: ни немцев, ни наших. Так, наши договорились с немецким командованием, что в плену были, что немцы пойдут лес прочесывать. Сначала провели артподготовку. Немцев, которые выживут после этого похода для уничтожения власовцев, пообещали

отпустить в Германию. Власовцы были уничтожены немцами, хотя человек 150 немцев тоже погибло. Так, я потом видел, какие у власовцев блиндажи, в 8 накатов, не страшен никакой обстрел.

Что касается полицаев, то могу отметить такой случай: смотрим, один раз в деревне мужчина связанный лежит в кювете. Голову повернул, смотрит, а женщина одна говорит ему: «Как ты еще можешь смотреть на белый свет, на людей». Засыпали его живым землей, а земля поднимается, там, где он дышит, и плясали сверху. Полицаев очень ненавидели местные люди» [9].

В состав власовских подразделений вливались не только идейные противники советской власти, но в большинстве это были те, кто хотел избежать тяжелой участи в германском плену. Моральный дух власовцев колебался в зависимости от обстановки на фронте.

Ожесточенность в боях с власовцами приводила к тому, что нередко были случаи уничтожения пленных власовцев и полицаев.

Один из таких эпизодов описал Маркарян Арам Алексеевич: «Под Прохоровкой, помню, произошел и такой случай. Во время одной из немецких танковых атак в первый период немецкого наступления на наш взвод двинулись несколько немецких танков, непосредственно перед нами немцы скинули свой десант, а сами отвернули на соседнюю нашу роту. Немецкие автоматчики, видать, думали, что мы уже почти все уничтожены, шли с засученными рукавами и стреляли на ходу. Взводный матом кричит: “Да стреляйте же!”. И мы начали стрелять, я глаза закрыл и давай стрелять. Слышу, взводный кричит: “Прекратите стрельбу: они сдаются!”. Я очнулся, смотрю, немцы метрах в ста от нас руки вверх поднимают, оружие кидают на землю и идут на нас. А мы-то по инерции стреляем, взводный опять матом: «Прекратить, мол, огонь!». Мы прекратили. Немцы подходят раненные, побитые и среди них оказался украинец. Он с украинским акцентом, задыхаясь, кричит: “Да не стреляйте, я – украинец”. Один из наших это услышал, говорит: “А-а, украине, ну это тебе”. И очередь ему в упор» [10].

Так, в своих воспоминаниях боец М.Г. Соколова рассказала: «Полицаев много везде было. Полицаи были из своих, всегда найдется человек, недовольный чем-нибудь в своем поселке, вот и переходили на сторону немцев. Они расстреливали людей по 10 человек, выбирали, кто был подозрительный, собирали продукты у местных жителей. Партизаны расстреливали их, и в лагерях тоже их расстреливали» [11].

О репрессиях по отношению к полицаям вспоминал и Фролов Михаил Филиппович: «В период наступления наших войск на Кубани особое внимание уделялось гражданам, сотрудничающим с немецкой властью. При заходе в деревню я сразу же направлял разведгруппу по хатам, и они вылавливали всех полицаев и старосту. Задержанные без долгих разговоров ставились к стенке и расстреливались. Уловив суть происходящего, другие полицаи в период вступления в станицу передовых армейских частей прятались в отдаленных местах и лишь после прихода НКВД с повинной возвращались в деревню. Из явившихся с повинной наши формировали штрафные отряды и использовали их на фронте» [12].

Бывали случаи, когда передовым советским частям оказывало поддержку и местное население. Из воспоминаний Бокатовича Василия Кузьмича: «По поводу полицаев к нам обращалось само мирное население. Заходим в деревню, люди говорят, так, мол, и так: у нас свирепствовали такие-то полицаи. Спрашиваем: “А где они?” Отвечают: “В лес ушли”, – и дают подробное описание, в чем ушел и так далее. Иногда задерживали» [13].

Среди собранных воспоминаний имеется и довольно эмоциональное рассуждение бойца РККА Бабичева В.А.: «Полицаев видел, много их было. Они – сволочи высшей степени. Такой случай был: в деревне, где я жил во время войны, бабы разговаривали о том, что хлеб спрятать надо. Полицай ехал мимо, а хаты были такие, что слышно, о чем говорят с улицы, как бумажные, пришел в дом и начал бить женщин. До войны он же дружил с моим братом, приходил в гости. Бабы говорят: «Что же ты делаешь?». И мать говорит, а он отвечает: «Тебя надо еще больше бить: у тебя два сына в Красной Армии». Полицаев назначал староста, который был в деревне, назначал из подлецов. Старосты были и хорошие, помогали партизанам. Вообще, полицаи – изверги.

Полицаями люди становились для того, чтобы не работать, бежавшие с фронта тоже становились полицаями. Наша армия, когда вступила в деревню, расстреливала их без суда и следствия совсем. Они готовы были убить родную мать и родного брата, чтобы выслужиться перед немцами» [14].

Имели место и попытки власовцев раствориться в толпе гражданского населения. Так, боец Хрящева Валентина Ивановна отмечала: «Это было на II-м Белорусском фронте. Бомбежка. Немецкий дом. Мы в подвал – там сидят немцы, не военные, гражданские. А в подвале, как и у нас, окна. Смотрим, подошел танк. Из него вышел один военный, второй. Мы видим, что бомбежка закончилась, вылезли. И вдруг Федор, с нами который был, кричит: «Ой, слушай, так это же наш!». Оказалось, они с одного села были. И Федор ему говорит: «А мне из дому писали, что ты в плен попал!». Тот: «Я? Нет. Глупости какие». А в полку обязательно были «СМЕРШы» так называемые. Так вот, один из них услышал и тут же для себя пометил. Пригласили его и начали разбираться. Оказался власовец. Его забрали и отправили воевать. И еще. Когда закончилась война, наши 2 недели по лесам власовцев вылавливали» [15].

О конкретных проявлениях коллаборационизма в прифронтовой полосе вспоминает Филимонова Лидия Андреевна: «Зачислили меня в 53-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, и в должности третьего номера я прослужила целый год. Сперва мы дислоцировались в районе Туапсе, прикрывая нефтебаки, кстати, если немецкие самолеты пробивались через наш заградительный огонь и взрывали резервуар, то наши командиры шли сразу в штрафной батальон. Затем нас перебросили в Джанкой. Прибыли мы туда как раз после боя, громадная площадь усыпанная разлагающимися трупами людей и лошадей. Дышать невозможно, одели противогазы и заняли позицию посередине этой площади. Зарыли в щель все снаряды, так как в случае попадания снаряда противника по ним может быть уничтожена вся батарея. Отрыть для себя щели не успели – в 22:30 начался налет немецкой авиации. С различных мест с земли стали подниматься сигнальные осветительные ракеты, вызывающие огонь на себя, это действовали немецкие лазутчики, как правило, местные жители, наше командование снимало иногда целые расчеты для того, чтобы выловить и уничтожить диверсантов. Предателей было очень много: и в Крыму, и на Украине, и на Кубани. Когда мы освободили Темрюк, то увидели пустыми целые городские кварталы: все ушли с немцами, а кто остался, относился враждебно, даже воды нагреть не давали» [16]. Похожие описания есть и в воспоминаниях Анищенко Веры Ильиничны: «Это было в Западной Украине. На аэродром мы могли пробежать только через лес. Причем бежать так – виляя, «змейкой». Потому что стреляли все время в летчиков и пробегающих в сторону аэродрома. Днем их почти не видно никого. Пакостили они очень много. Они обстреливали самолеты, машины. В Чечне тоже не очень приятные встречи с ними были.

Существовала и другая форма предательства. Как вы знаете, во время Великой Отечественной войны фашисты учредили на оккупированных советских территориях такую должность, как полицай. Те, кто шел в полицай, именовались предателями, т.к. подчинялись власти врагов и помогали им угнетать своих же соотечественников за вознаграждение (сало, одежда, полномочия, опять же – автомат шмайссер немецкого качества...). Хотя полицай были в народе и не в почете, но сами они, наверняка, имели точку зрения, оправдывающую свои поступки» [17].

Завершить воспоминания ветеранов можно уже послевоенным эпизодом, когда на окраинах СССР происходили операции по ликвидации власовских бандформирований. Из воспоминаний бойца Бочкова Т.П.: «На территории, освобожденной от фашистских войск, остатки разбитых немецких частей, понимая, что им предстоит нести ответственность за свои поступки, стали создавать отряды из власовцев и полицаяев. Власовцы и полицай действовали на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии.

Могу привести такой пример. После окончания военного училища в 1947 году я и мой товарищ Мельников И.С. были направлены в город Киров.

В один прекрасный день мне Мельников говорит, что его назначили в войска по борьбе с власовцами и полицаями. Прошло немного времени, и я получил от него письмо. Он был командиром взвода войск МВД, а потом я не стал получать письма. Я написал ему письмо такого содержания: «Ваня, что, зазнался совсем, почему не пишешь, как живешь». В 1948 году у нас в стране были выборы в Верховный Совет СССР, а эти самые отщепенцы, власовцы и полицай, старались всякими методами мешать подготавливать проведение выборов. После выборов получаю письмо из города Алитуса из Литвы. Письмо такого содержания: «Мы, солдаты вашего друга Мельникова И.С., со скорбью извещаем вас о гибели его в предвыборную ночь от рук бандитов» [18].

Завершая, хочется отметить, что среди 50 опрошенных в ходе исследования ветеранов 28 человек сообщили, что ничего о деятельности власовцев и полицаяев не знают или не слышали.

Заключение. Подводя итоги, хочется отметить, что одной общей особенностью прошедшей войны (в воспоминаниях фронтового поколения) являются представления о враге. Доминирующей чертой массового сознания советского общества было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали. Еще большее неприятие было к предателям и изменникам Родины, потому что даже маленькие успехи в боях доставались очень тяжело и с огромными потерями. Наряду с этим подчеркивается и проявление человечности, гуманности и человеколюбия (в основном у женщин-фронтовиков) к врагу, что объяснялось тем, что советские люди старались показать, что они не «звери-захватчики», а «освободители мира от зла – фашизма». Опять-таки повторимся, что данный мотив прослеживается у женщин-фронтовиков, и он так и не стал ведущим.

Другой характерной чертой стало нежелание значительной части интервьюированных ветеранов вспоминать о скрытой правде войны. Выяснилось, что ветераны путают деятельность власовцев и полицаяев или просто отказываются об этом говорить, т.е. присутствует попытка сохранить верность имевшей место в советский период доктрине – «единство и борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков».

Примечания:

1. Меженко А.В. Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 33.

2. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская Освободительная армия. М., 2000. С. 7.
3. Кудряшов С.В. Предатели, “освободители” или жертвы войны? // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 87.
4. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000. С. 4.
5. Из интервью с С.А. Чахловым от 02.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
6. Из интервью с А.В. Лычаговым от 05.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
7. Из интервью с Ч.С. Тешевым от 10.12.2005 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
8. Из интервью с Т.Е. Долгополовым от 16.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
9. Из интервью с Д.С. Яньшиньш от 06.01.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
10. Из интервью с А.А. Маркарянот от 26.03.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
11. Из интервью с М.Г. Соколовой от 16.12.2005 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
12. Из интервью с М.Ф. Фроловым от 15.03.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
13. Из интервью с В.К. Бокатовичем от 19.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
14. Из интервью с В.А. Бабичевым от 31.01.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
15. Из интервью с В.И. Хрящевой от 09.02.2006 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
16. Из интервью с Л.А. Филимоновой от 12.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
17. Из интервью с В.И. Анищенко от 15.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
18. Из интервью с Т.П. Бочковым от 17.02.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.

УДК 93/94

**Власовцы и полицаи как явление в период Великой Отечественной войны
глазами бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии**

¹Александр Черкасов

²Михал Шмигель

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

²Университет Матея Бела, Словакия
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье на основе интервьюирования 50 ветеранов Великой Отечественной войны рассматривается сложное социальное явление – коллаборационизм. Под коллаборационистами понимались советские граждане, с оружием в руках сражающиеся на стороне Германии в прифронтовой, фронтовой и оккупированной территории Советского Союза. В статье представлены рассуждения ветеранов о природе советского коллаборационизма, а также описаны конкретные проявления коллаборационизма, свидетелями которых были опрошиваемые ветераны. Уделено внимание антагонизму советских солдат по отношению к своим соотечественникам, сражавшимся на стороне противника. Представлены некоторые механизмы пополнения Третьим Рейхом коллаборационистских формирований.

Ключевые слова: власовцы; полицаи; Великая Отечественная война; коллаборационизм; ветераны; интервьюирование.